Посмертный образ

Автор:
Александра Маринина

Посмертный образ

Александра Маринина

Каменская #9

Кинозвезда Алина Вазнис убита, а мотивы преступления практически отсутствуют. Нет, какие-то, разумеется, имеются, но при ближайшем рассмотрении Анастасия Каменская убеждается, что они или надуманы, или не «тянут» на убийство. Следовательно, истинная причина лежит где-то в сумрачных глубинах человеческого подсознания. Там такие несколько отвлеченные понятия, как зависть, ненависть, страх, вожделение, могут превратиться в навязчивые идеи и стать реальным поводом для преступления.

Сопоставляя факты, показания свидетелей, а главное – глубже понимая характер кинозвезды, Анастасия приходит к выводу – убить актрису мог только один человек. Именно тот, кто вне всяких подозрений…

Александра Маринина

Посмертный образ

Глава 1

Стасов

Бывший работник уголовного розыска, бывший подполковник милиции, а ныне начальник службы безопасности киноконцерна «Сириус» Владислав Стасов занимался вполне прозаическим делом: составлял при помощи ручки и листа бумаги список продуктов, которые нужно завтра непременно купить, чтобы наготовить еды себе и дочери на всю следующую неделю. Бывшая жена Стасова Маргарита упорхнула в очередную командировку, оставив восьмилетнюю Лилю на его попечении, чему Стасов был несказанно рад. Работа у Маргариты была нервная, хлопотная и связанная с частыми и длительными отлучками, поэтому ему доводилось жить с дочерью даже чаще, чем он мог надеяться, когда разводился. Лилю Стасов обожал.

Перво-наперво, думал он, нужно купить побольше всякой всячины для бутербродов: Лиля любит забраться на диван с книжкой и что-нибудь непрестанно жевать. Конечно, для восьмилетней девочки она весила многовато, даже с учетом ее высокого (в папеньку) роста, но бороться с вредной привычкой Стасов не считал нужным. С книгой и бутербродами Лиля могла проводить одна все дни и вечера, не особо нуждаясь в присутствии вечно занятых и замотанных родителей.

Во-вторых, нужно купить большой кусок мяса с косточкой и наварить кастрюлю борща. В этот же пункт меню вошли свекла, морковь, лук, картофель. Да, и сметана, не забыть бы.

В-третьих, нужно купить вырезку и настрогать из нее отбивных штук двадцать, по четыре на каждый из пяти рабочих дней. Что же касается гарнира, то его можно тоже изобразить заранее, а можно варить каждый день по чуть-чуть, благо что макароны, что гречка варятся быстро, пока он будет раздеваться и есть борщ, они как раз и поспеют. Лиля сама гарнир не ест, она почему-то предпочитает мясо с кетчупом или квашеной капустой, заедая огромными ломтями черного хлеба.

Так, с этим все. Теперь десерт. Компот, что ли, сварганить? Или купить побольше фруктов, пусть ребенок витаминизируется. Ладно, это можно решить завтра прямо на рынке, выбор большой.

Составив список продуктов, Стасов принялся было за ревизию бакалейных товаров в кухонном шкафу-пенале, но в это время зазвонил телефон. Прежде чем снять трубку, Стасов кинул взгляд на часы – половина первого ночи. Черт, неужели на работе что-то стряслось? Оставлять дочку одну на ночь не хотелось, хотя она и не боялась темноты. Он уставился на звенящий аппарат, отслеживая длительность интервалов между гудками, и с облегчением убедился, что интервалы эти чуть короче обычных. Звонок междугородный, значит, это Татьяна. Так и оказалось.

– Не разбудила? – услышал он в трубке ее хрипловатый звучный голос, от которого у Стасова мгновенно заныло в груди – так сильно он скучал по ней.

– Не поверишь, когда скажу, чем я только что занимался.

– И чем же?

– Работал Ирочкой.

– Это как?

– Составлял меню на следующую неделю.

– Бедный ты мой, – посочувствовала Татьяна насмешливо. – Может, тебе Ирочку прислать? Сдам ее тебе напрокат, пока твоя Маргарита не вернется. Хочешь?

– А ты как же без нее?

– А она у меня сначала поработает Стасовым, наготовит мне еды на неделю, а потом сядет в поезд – и утром у тебя.

– Я не могу принимать такие жертвы, – гордо отказался Стасов. – Мировая литература мне этого не простит. Кстати, как двигается работа?

– Отлично. К следующим выходным, наверное, допишу.

– И сколько получится?

– Листов двадцать. К сожалению, опять двадцать, мой любимый размер. Мой издатель меня убьет.

– Почему? – удивился Стасов. – Разве двадцать листов – это плохо?

– Конечно, плохо, – вздохнула Татьяна. – Издателю нужен объем, из которого он может сделать книгу. Либо двенадцать-четырнадцать печатных листов для издания карманного формата, либо двадцать пять-тридцать для толстой книжки обычного формата. А двадцать – не пришей кобыле хвост. Карманный формат такого объема не выдержит и рассыплется, а обычный получится тоненьким и несолидным, в руки взять противно. И вот начинает издатель ломать голову, что к моим двадцати листам пристегнуть, чтобы получилась толстая книжка. Можно взять повесть какого-нибудь другого автора, но где взять такую, чтобы точно подходила по объему? Повести на пять-восемь листиков мало кто пишет, теперь у всех мания величия, как и у меня. Все гонят по восемнадцать-двадцать листов. Кроме самых опытных, конечно, которые умеют заранее объем рассчитывать.

– А ты не умеешь?

– Нет. Но я учусь, так что я не безнадежна.

Стасов снова взглянул на часы. Они разговаривали уже три минуты.

– Тань, давай я тебе перезвоню, а? Мне твоих денег жалко.

– Не выдумывай, пожалуйста. По-моему, мы с тобой этот вопрос уже закрыли. Я получаю удовольствие от беседы с тобой, и за свое удовольствие плачу сама.

– Вот если бы ты не была такой упрямой и вышла за меня замуж, я бы знал, что ты проговариваешь наши общие деньги. А так я чувствую себя нахлебником.

– Ну Дима, мы же договорились…

Татьяна была единственной, кто из всех возможных производных от имени Владислав выбрал самый редкий вариант – Дима. Кроме нее, Димой Стасова не называл никто. Все остальные пользовались Владиками, Стасиками и Славиками.

С Татьяной Стасов познакомился три месяца назад, даже чуть меньше. Спустя неделю он сделал ей предложение, чем немало удивил не только ее, но и самого себя. В первый раз Татьяна не то чтобы отказала ему, но всерьез как-то не восприняла. Он повторил попытку еще через неделю и получил принципиальное согласие вернуться к обсуждению вопроса зимой. Но Стасова это не устроило. Он и сам не понимал, отчего ему так «приперло» жениться на Татьяне, но он знал совершенно точно – он хочет этого больше всего на свете. И он-таки добился от нее согласия на бракосочетание в январе.

– Да помню я, помню, не раньше января. Но может, ты все-таки передумаешь, а? Ну что тебе январь этот? Давай сейчас поженимся. И все проблемы снимутся сами собой.

– Ладно, в конце декабря.

– Нет, сейчас, – настаивал Стасов, почувствовав, что поймал благоприятный момент и можно «дожать» неуступчивую возлюбленную. Он так скучал без нее! Он так ее любил.

– В начале декабря.

– Немедленно! Таня, ну я прошу тебя…

– Ну ладно, в ноябре, – сдалась Татьяна.

– Договорились, – подхватил Стасов. – В начале ноября, в аккурат на День милиции.

– Димка! Не передергивай, не бери меня за горло.

– Спасибо, Танечка. В первые же свободные выходные я приеду, и мы подадим заявление. Как Ирочка?

– Прекрасно. Порхает, поет, готовит, убирает, следит за мной, аки нянька за младенцем.

– Везет тебе.

– Надо уметь выбирать родственников, тогда и тебе повезет.

Ирочка была сестрой первого мужа Татьяны. После развода муж уехал на постоянное жительство в Канаду, а его родная сестра превратилась в ближайшую подругу, наперсницу и домоправительницу Татьяны Образцовой, которая работала следователем, а в свободное время писала под псевдонимом Татьяна Томилина детективные романы, пользовавшиеся у читателей большим спросом. Такая интенсивная деятельность была бы невозможна без Ирочки Миловановой, освободившей Татьяну от всех бытовых забот и умело организующей ее время, превращая двадцать четыре часа суток как минимум в тридцать шесть, как хорошая хозяйка из скудных запасов в холодильнике готовит стол для четверых внезапно нагрянувших гостей. Положив трубку, Стасов увидел, что в кухню, сонно покачиваясь, вползает его любимое чадо в байковой пижамке.

– Это мама звонила?

– Нет, тетя Таня. Почему ты не спишь?

– Ты будешь на ней жениться? – спросила Лиля, совершенно проигнорировав отцовский строгий вопрос о причинах «неспанья».

– Ну… Если ты не возражаешь.

– И я должна буду называть ее мамой?

– Совсем не обязательно. Даже и не нужно. У тебя есть мама, а тетя Таня будет моей женой, и ты можешь называть ее тетей Таней или просто Таней. Как тебе захочется.

Лиля облегченно вздохнула. Давным-давно предоставленная самой себе в части выбора книг, она прочитала уже столько «взрослого», что в головке ее образовалась чудовищная смесь чисто детских представлений и трагических «жизненных» историй. В частности, это были истории про плохих приемных матерей и страдающих падчериц.

– Папа, а если мама женится…

– Не женится, а выйдет замуж, – поправил ее Стасов.

– Если мама выйдет замуж, я должна буду называть ее мужа папой или можно будет дядей Борей?

Так, подумал Стасов. Ритка же клялась ему, что не приводит своего мерзкого Рудина домой в присутствии Лили. Откуда же девочка узнала про него? Опять Рита врет. Ничему ее жизнь не учит.

– Ну, детка, во-первых, совсем не факт, что нового маминого мужа будут звать Борисом. С чего ты взяла? Может, он будет Григорием, или Михаилом, или Александром.

– Но его же зовут Борис Иосифович, а не Григорий и не Михаил. Ты что, папа, не знаешь? Борис Иосифович Рудин.

– Во-вторых, котенок, – продолжал Стасов, словно не слыша ее реплики, – совсем не факт, что мама захочет выйти за него замуж.

– Но они же встречаются!

Логика ребенка была безупречной, впрочем, как и его информированность.

– Они дружат, – терпеливо объяснял Стасов. – А возникнет ли между ними более сильное чувство, которое приведет к их свадьбе, это еще бабушка надвое сказала.

А то и натрое. Но не объяснять же Лиле, что Рудин женат и вроде бы разводиться не собирается. У него таких, как Маргарита, полный мешок, небось не знает, куда их девать.

– И вообще, котенок, шла бы ты спать. Завтра в школу вставать рано.

– Ты что, папа? Завтра же суббота.

– Тьфу ты, я и забыл, что вы по субботам не учитесь. Мы-то в свое время учились и по субботам.

– А ты завтра работаешь?

– Не знаю, малышка, как фишка ляжет.

Фишка ляжет плохо. Но об этом бывший подполковник милиции Владислав Стасов узнает только утром.

Мазуркевич

Услышав лязганье ключа в замке, Михаил Николаевич Мазуркевич, президент киноконцерна «Сириус», перевел дыхание и бросил взгляд на свои руки. Руки тряслись, как когда-то в юности перед экзаменами. Сейчас она получит, эта сука, эта безмозглая шлюха.

Жена в прихожей двигалась осторожно, видно, думала, что он уже спит, и старалась не разбудить. Мазуркевич сидел в гостиной в полной темноте и ждал. Когда вспыхнул свет, он увидел Ксению и помертвел. Похоже, подтверждались самые худшие его опасения. Лицо ее было бледным, на скулах горел румянец, ярко-голубые глаза блестели.

– Уже три часа ночи, – сказал он как можно более ровным тоном. – Я могу узнать, где ты была?

– Нет, не можешь, – равнодушно бросила Ксения. – Это не твое дело.

– Ты хоть что-нибудь соображаешь? – взорвался Мазуркевич. – Я тысячу раз тебе объяснял, и твой отец тоже тебе объяснял, что ты должна прекратить свои гулянки! Ты что, хочешь оказаться под забором вместе со своими шоферюгами? Дура, кретинка! Я не требую, чтобы ты хранила мне верность, этого нельзя требовать от женщины, которая стала блядью еще до рождения, но хотя бы соблюдай приличия! Твой отец ясно сказал: еще раз жену Мазуркевича, дочь самого Козырева, увидят в машине со случайным водителем – все. Больше

никаких денег мы не получим. И поддержки в делах не получим. Ни кредитов, ни льготных ставок, ничего. Ты этого добиваешься?

– Отвяжись, – бросила Ксения, на ходу вынимая из ушей сережки с бриллиантами и стягивая через голову свитер.

Это было в ней неистребимо – надевать серьги с бриллиантами даже к свитерам и джинсам.

– И бриллиантов тебе никаких не будет, если твой папаша узнает о том, что ты вытворяешь, несмотря на его запрет. Все твои цацки придется продать, чтобы расплатиться с долгами по кредитам.

Ксения повернулась к нему, лицо ее было перекошено холодной ненавистью и презрением. В свои сорок четыре года она не выглядела ни на день моложе, фигура начала оплывать, подглазья были покрыты сеточкой мелких морщин, волосы уже не блестели. Но в те дни, когда она возвращалась после занятий любовью с очередным случайным знакомым-водителем, она выглядела почти красавицей. Такое было хобби у дочери одного из крупнейших банкиров России Козырева: садиться в машину к незнакомым мужчинам, знакомиться с ними и заниматься любовью где-нибудь в переулке. Иногда это заканчивалось тем, что салон машины освещался фонарем милицейского патруля, открывая взорам присутствующих бесстыдно обнаженные женские груди и мужскую задницу. Составлялся протокол, история предавалась огласке, Козырев и Мазуркевич хватались за голову, а Ксения нагло ухмылялась, ничего не отрицая и не обещая. Казалось, ей совершенно все равно, будут у ее мужа деньги или нет. Но сам Мазуркевич прекрасно понимал, что ей не все равно. Она привыкла к роскоши и достатку. Но еще больше она привыкла потакать любому своему желанию. И если таковое у нее возникало, то средства шли в ход любые. Ксения знала, что Мазуркевич зависит от своего тестя в финансовом отношении и поэтому будет терпеть все ее выходки.

Она схватила с журнального столика только что вынутые из ушей бриллиантовые сережки и изо всех сил швырнула их на пол, под ноги мужу.

– Да подавись ты, импотент, – процедила она сквозь зубы. – Нашел чем испугать. А то я не найду, где взять бриллианты…

Она ушла в ванную, хлопнув дверью. Михаил Николаевич некоторое время сидел неподвижно, потом налил себе рюмку коньяку, выпил залпом. Сосуды расширились, руки стали теплыми, дрожь постепенно улеглась. Он подошел к двери ванной, за которой слышался ровный шум включенного душа.

– Тебя кто-нибудь видел? – спросил он, повышая голос.

Ксения не ответила. Может, не слышит?

– Тебя видел кто-нибудь? – повторил он громче.

– Завтра узнаешь, – донесся до него насмешливый голос жены.

Конечно, подумал Мазуркевич, завтра он узнает. Если Ксению снова видели, то завтра прямо с утра до него дойдут разговоры. Весь «Сириус» знал о финансовых проблемах своего президента и о том условии, соблюдение которого необходимо для решения этих проблем.

– Сука, – прошептал он, давясь бессильной злобой. – Какая же ты сука!

Каменская

Субботнее утро Настя Каменская провела за своим любимым занятием. Она ленилась. Еще вчера вечером на вопрос мужа: «Чем собираешься завтра заниматься?» – она честно ответила: «Буду лениться».

И вот теперь она валялась в постели, прихлебывая крепкий горячий кофе, слушала музыку и предавалась неспешным размышлениям. Правда, надо отдать ей должное – размышления были все-таки связаны с работой. Во-первых, она думала об исчезновении вещественных доказательств по делу об убийстве пятнадцатилетнего подростка. Этим убийством их отдел занимался вот уже четыре месяца. Во-вторых, она думала о свалившемся на них два дня назад убийстве пятерых человек – целой семьи известного московского художника-портретиста. В-третьих, Анастасия Каменская с раздражением думала о том, что нужно получать новый комплект форменной одежды, а для этого нужно найти

старые ордера, по которым она так и не получила форму в прошлый раз. Куда она эти ордера засунула, Настя вспомнить не могла, стало быть, придется сочинять покаянный рапорт об их утере.

Выходные ей предстояло провести в приятном одиночестве. Ее муж работал в подмосковном Жуковском, ездить ему было далеко, поэтому в тех случаях, когда необходимо было его присутствие в институте в течение нескольких дней подряд, Алексей жил у своих родителей, квартира которых находилась в десяти минутах ходьбы от института. В понедельник должна была начаться очередная крупная международная конференция по проблеме, в которой доктор физико-математических наук профессор Алексей Чистяков считался одним из ведущих специалистов, и, конечно же, ему приходилось дневать и ночевать на работе, готовя свой доклад и занимаясь массой организационных вопросов.

Еще одним поводом для размышлений стал поиск ответа на дежурный вопрос, который она задавала себе каждое утро вот уже четыре месяца: «Правильно ли я сделала, выйдя замуж?» В те дни, когда ответ получался отрицательным или вызывал сомнения, Настя ходила злая, проклиная весь мир и саму себя. Но надо признаться, дни такие выпадали все-таки не очень часто. Сегодня, в субботу, 16 сентября 1995 года, ответ получился резко положительным, и это сразу подняло настроение и вселило даже некоторую бодрость.

Поленившись в постели часов до двенадцати, Настя переползла лениться на кухню, где уютно устроилась в уголке, приготовила себе гренки с сыром и, закутавшись в теплый махровый халат, приступила ко второй серии, состоящей из двух чашек кофе и стакана апельсинового сока. В соответствии с составленным ею же самой планом на день лениться она собиралась часов до четырех, после чего намеревалась приступить к написанию аналитической справки по убийствам и изнасилованиям в Москве. Такие справки она готовила ежемесячно к двадцатому числу.

Пока все шло по плану. Успешно проленившись до без четверти четыре, Настя стала с сожалением прощаться со сладостным бездельем. Она вытащила из сумки принесенные с работы материалы и начала их сортировать на те, которые достаточно просто прочитать и записать в компьютер краткое резюме, и те, сведения из которых нужно записывать в компьютер полностью. В десять минут пятого это занятие было прервано телефонным звонком.

– Настасья, готовься, сейчас к тебе приедет Коротков, – сказал ей полковник Гордеев тоном, не допускающим возражений. – Он сегодня сменился с суток, в девять утра выезжал на труп, провалдохался там до трех часов, уже на ходу засыпает. Он тебе передаст все материалы, а сам поедет поспит хоть пару часов. За эти два часа ты обдумай все, что он там наковырял за полдня. Поняла?

– Поняла, Виктор Алексеевич. А чей труп-то?

– Алины Вазнис.

– Чей?!

– Алины Вазнис. Киноактрисы. Тебе в киношной среде работать еще не приходилось?

– Нет пока.

– Дерьма там… В общем, ничего хорошего. Единственное светлое пятно – это то, что Вазнис постоянно снималась в киноконцерне «Сириус», а там начальником службы безопасности работает наш бывший коллега, Стасов Владислав Николаевич. Ты с ним знакома?

– Немножко.

– Он мужик очень приличный во всех отношениях, но с характером. Ты уж постарайся найти с ним общий язык.

– Я тоже с характером, – усмехнулась в ответ Настя. – Это пусть он со мной общий язык ищет.

– Ну, твой характер всем известен. Рядом с твоими выкрутасами Стасов может отдыхать.

– Да ладно вам, Виктор Алексеевич, что я, монстр какой-то, что ли?

– Монстр не монстр, но стерва та еще, – констатировал Гордеев. – Держи себя в узде, Стасенька, я тебя прошу. Киношники – народ истеричный и ненадежный.

Там сплошная зависть, интриги и пьянка без продыху. Хороших свидетелей среди них найти трудно, практически невозможно, поэтому Стасов – наша единственная опора в этом свинарнике.

– Должна ли я понимать так, что вы мне поручаете заниматься этим убийством?

– Да, вместе с Коротковым. До понедельника будете пахать с ним вдвоем, а потом я разберусь с текучкой, может, отпущу его в отгул за суточное дежурство и пристегну к вам еще кого-нибудь.

– Мишу Доценко, – тут же попросила Настя.

– Не торгуйся, не на базаре. Я же сказал – разберусь и решу.

– Ну, Виктор Алексеевич, я же не для себя прошу – для дела.

– Зачем тебе Доценко?

– А у него с женщинами-свидетельницами хорошо получается. Он из них душу вынет, а они и не заметят. Мишаня уставится на них своими огромными черными глазищами, и они начинают млеть и вспоминать все в деталях, только чтобы ему понравиться.

– Ишь ты, млеть… А мужчины-свидетели тебя не интересуют?

– С мужчинами я как-нибудь сама.

– Интересно, как? – поддел ее начальник. – У тебя же нет таких глаз, как у Михаила.

– Зато характер есть, – рассмеялась она. – Убойная сила.

Юра Коротков приехал минут через сорок, серовато-бледный, с кругами под глазами после бессонной ночи, голодный и злой. Увидев его на пороге, Настя приняла решение мгновенно.

– Сейчас я буду тебя реанимировать, домой ты не поедешь.

– Аська, я с ног валюсь, отпусти меня поспать, – взмолился Коротков.

– Спать будешь здесь, чтобы не тратить время на дорогу.

– А Лешка?

– Что – Лешка? Во-первых, он в Жуковском, а во-вторых, он человек с нормальной психикой. Даже если бы он был сейчас здесь, я бы тебя спать уложила. Значит, программа такая: горячий душ, чтобы сосуды расширились, потом обед, во время которого ты мне все быстренько расскажешь, потом полстакана мартини, чтобы снять остаточное напряжение и моментально уснуть. Это чудесное событие должно произойти, – она посмотрела на часы, – в семнадцать тридцать. В половине восьмого я тебя подниму, контрастный душ, второе кормление, кофе по рецепту «Смерть врагам», и ты будешь как новенький. Таким образом, у нас будет три часа на то, чтобы нанести нужные визиты до истечения предусмотренных этикетом двадцати трех часов. Ну что ты стоишь, время только теряешь? Раздевайся – и в душ.

– Слава богу, что тебя никто не слышит, – устало пробормотал Коротков, расстегивая рубашку. – Можно подумать, что ты меня в постель тащишь.

– Именно туда я тебя и тащу, – расхохоталась Настя.

* * *

Коротков действительно уснул мгновенно. Настя хорошо знала, что после длительного напряжения у человека возникает сильное желание уснуть, но стоит ему закрыть глаза, как он понимает, что ничего у него не получается. Мозг продолжает работать, сердце колотится, как после стометровки, и если на сон отведено мало времени, то добрую половину его «съедает» процесс успокоения и расслабления. Поэтому так важно правильно подготовиться к кратковременному отдыху. И самое главное – спать нужно не одетым, свернувшись калачиком на сдвинутых стульях и накрывшись курткой, а раздевшись и лежа в чистой постели, чтобы кровоток был нормальным и все мышцы отдыхали. Этой наукой Настя Каменская владела хорошо, поскольку

сама испытывала немалые трудности со сном.

Она сидела на кухне и чертила на листках бумаги какие-то закорючки, кружочки и стрелочки, обдумывая то, что ей успел рассказать за обедом Коротков. Сегодня в семь утра Алина Вазнис, молодая, но уже довольно известная актриса, должна была явиться в павильон на съемку. Когда она не появилась к половине восьмого, съемочная группа забеспокоилась. На телефонные звонки домой Вазнис не отвечала. В восемь часов режиссер фильма Андрей Смулов, любовник Алины, принял решение ехать к ней. Ключи от квартиры Вазнис у него были, поскольку они состояли в близких отношениях уже четыре года, о чем было известно всему киноконцерну «Сириус». Смулов сказал, что его машина неисправна, и попросил кого-нибудь отвезти его. В результате к Алине поехали Смулов и помощник оператора Николай Котин. Когда Вазнис не открыла дверь на их настойчивые звонки, они вошли в квартиру и обнаружили хозяйку задушенной. Приехавший с оперативной группой врач констатировал, что смерть Алины Вазнис наступила ориентировочно семь-девять часов назад, то есть от ноля до двух часов ночи.

Подозрение, как водится в таких случаях, сразу же пало на любовника убитой, режиссера Андрея Смулова. Однако после первых же бесед с членами съемочной группы оказалось, что Андрей Львович пострадал от смерти Алины больше всех. Вот что заявил Короткову президент «Сириуса» Михаил Николаевич Мазуркевич:

«У Андрея творческая биография складывалась очень непросто. Он снимает детективы, триллеры. Первый его фильм сразу прогремел, он был очень талантливо сделан, и Смулов, как пишут в книгах, проснулся в одно прекрасное утро знаменитым. Потом был второй фильм, чуть послабее, потом третий, еще слабее. Никто не мог понять, в чем дело. То, что Андрей Львович безумно талантлив, было ясно всем и каждому, но почему-то все следующие фильмы были неуловимо, а порой и весьма ощутимо похожи на предыдущие. А потом он нашел Алину, она тогда была студенткой ВГИКа и снималась в нашей музыкальной студии.

Смулов очень многое поставил на Алину, во-первых, она действительно хорошая актриса, а во-вторых, он влюбился в нее без памяти. И она в него тоже. Он очень много работал с ней, снял ее в трех фильмах, занимался с ней как педагог. Надо сказать, что Алина сильно украсила фильмы Смулова, но все равно они становились все слабее и слабее. Но Андрей не отступался, он вообще

редкостный трудяга, и вот наконец в прошлом году он сделал совершенно блистательную вещь. Понимаете? Он смог перешагнуть через себя, подняться на новую творческую ступень, и снова прогремел. А уж Алина… Не знаю, что там у них случилось, звездный час любви, или как это называется, но Алина своей игрой просто всех потрясла. Фильм получил несколько престижных премий, Алину Вазнис и Андрея Смулова стали называть «звездной парой». Все, честно говоря, боялись, что они захотят после этого успеха оформить свои отношения, ведь Алина не была замужем, а Смулов давно разведен. Почему боялись? Потому что Алина – очень красивая актриса, секс-символ, и мужчине-зрителю необходимо ощущение, что она может принадлежать ему. Но, насколько мне известно, о свадьбе пока не заговаривали.

После того успеха Смулов немедленно взялся за следующий фильм, тоже с Алиной в главной роли. Это, я вам скажу… В общем, даже лучше, чем предыдущий. У Андрея словно второе дыхание открылось. Неделю назад группа закончила последние съемки на натуре, и там Алина показала такое невероятное мастерство, что после просмотра отснятого материала раздались аплодисменты. Представляете? Рабочий просмотр дублей, в зале сидят практически те же люди, что участвовали в самой съемке, то есть те, кто все это уже сто раз видел, и все равно они не могли удержаться от аплодисментов. Один дубль был особенно удачен. Героиня, которую играет Алина, находится в людном месте и вдруг видит что-то очень страшное. И представьте себе, от корней волос до самой шеи по ее лицу разливается бледность, глаза западают, губы делаются серыми. Без всякого грима, без монтажа, без спецэффектов! Она сама, силой своего таланта сумела вызвать у себя такую вазомоторную реакцию. Еще ни одной актрисе в мире это не удалось! Вот что такое Алина Вазнис. После того рабочего просмотра мы сказали Смулову, что этот кадр войдет в сокровищницу мирового кино, ну вот как кадр с детской коляской, несущейся вниз по лестнице в «Броненосце «Потемкине», или финальный проход и улыбка Джульетты Мазины в «Ночах Кабирии». Понимаете, о чем я говорю? В общем, этот новый фильм должен был принести Смулову и Алине мировую славу. Оставалось доснять совсем немного… Не знаю, как Андрей это переживет. Такая утрата! Да и для всех нас тоже. В фильм были вложены большие деньги, но он должен был принести огромную прибыль. Теперь мы снова окажемся в долгах…»

Из беседы с ассистентом режиссера Еленой Альбиковой:

«Алина была очень скрытной. Нет, не замкнутой, а именно скрытной. Она прекрасно общалась со всеми, шутила, смеялась, могла протанцевать в

компании всю ночь напролет, но, по сути, никто ничего о ней не знал. Только Андрей Львович, может быть. У нее не было ни задушевной подружки в нашей среде, ни даже просто близкой приятельницы. Весь ее мир был сосредоточен вокруг Андрея Львовича. Была ли она доброй? Я не знаю. Я не испытывала на себе ее доброты. А вот то, что кое-кто ее ненавидит, это точно. Кто именно? Ну, во-первых, Зоя Семенцова, эта старая карга. За что? Не знаю. Она прямо трясется вся, когда слышит про Алину. А во-вторых? Ну, пожалуй, жена нашего шефа. Ничего точно не скажу, но говорят, что Ксения Мазуркевич публично оскорбила Алину и та собиралась как-то с ней посчитаться. Нет, деталей не знаю…»

Из беседы с режиссером Андреем Смуловым:

«Это конец… Вся моя жизнь кончена. Без Алины я – ничто. Я не знаю, как жить дальше… Как работать… Как дышать…»

Настя выключила магнитофон и налила себе очередную чашку кофе. Значит, сегодня нужно попытаться выяснить, что это за старая карга Зоя Семенцова и почему она «прямо трясется вся», когда слышит про Алину Вазнис. И узнать, что это за история с публичным оскорблением, которое якобы нанесла Алине жена Мазуркевича Ксения. До назначенного времени пробуждения Короткова оставался еще час, и Настя уселась за телефон. К половине восьмого, обзвонив не менее десятка людей, ей удалось выяснить следующее.

Актриса Зоя Семенцова ненавидит Алину Вазнис уже на протяжении многих лет, еще с тех пор, когда Алина снималась в музыкальной студии. Подробности может сообщить художественный руководитель студии Дегтярь Леонид Сергеевич, телефон домашний… служебный… адрес…

Ксения Мазуркевич на последнем просмотре в Киноцентре, состоявшемся четыре дня назад, громогласно заявила, находясь в состоянии сильного алкогольного опьянения, что Алина ничего из себя не представляет как личность, что вся ее игра «придумана, осмыслена и сделана» самим Смуловым, что Алина – не более чем смазливый фасад, за которым ничего нет. «Не зря же она двух слов связать не может, она же просто тупая, ограниченная и необразованная самка, годная только для того, чтобы спать с режиссером и сниматься крупным планом с голыми сиськами. А что еще вы хотите от дочери неграмотного латышского крестьянина, который ради московской прописки женился на старой деве-еврейке? Феноменальная тупость, помноженная на

жидовскую пронырливость». После этого Алина Вазнис проявила интерес к адресу и номеру телефона Валентина Петровича Козырева, отца Ксении. При этом Алина, обычно сдержанная и не яркая в проявлении своих эмоций, выглядела весьма нервозной и настроенной крайне решительно.

И наконец, выплыло новое имя. Некто Харитонов, работающий все в том же «Сириусе». Он брал у Алины Вазнис крупную сумму денег в долг под пятнадцать процентов в месяц и уже несколько месяцев тянул с возвращением. Вчера, то есть в пятницу, 15 сентября, Алина жестко потребовала, чтобы весь долг вместе с процентами был немедленно возвращен.

Итак, три человека, трое подозреваемых. Две женщины и один мужчина. С кого начать?

Мазуркевич

Когда опергруппа уехала, Мазуркевич вызвал к себе Стасова.

– Ты знаешь кого-нибудь из них? – спросил Михаил Николаевич, имея в виду сотрудников милиции.

– Двоих, – кивнул Стасов. – Юру Короткова и следователя Гмырю. Остальных не знаю.

– Как они тебе?

– Я не понял вопроса, – осторожно ответил Стасов.

– Они смогут разобраться?

– Кто ж это знает, Михаил Николаевич, – пожал он плечами. – Это заранее не предскажешь. Как фишка ляжет. А…

– Вот что, – перебил его Мазуркевич, глядя куда-то в сторону. – Брось все свои дела и выясни, где была моя жена вчера вечером.

– Что, опять? – сочувственно спросил Стасов.

– Я сказал – выясни. Только не пыли. Быстро и аккуратно.

– Господи, да о чем вы думаете! У вас ведущая актриса погибла, молодая женщина, а вы…

– Вот об этом я и думаю, – жестко сказал Михаил Николаевич.

– Вы думаете, что ваша жена причастна к убийству? – изумился Стасов.

– Не твое дело, что я думаю. Выясни, где она вчера была, и как можно скорее. Домой она явилась в три часа ночи.

– Как скажете.

Стасов вышел из кабинета не попрощавшись, и Мазуркевич понял, что его начальник службы безопасности чрезвычайно недоволен и обеспокоен. Сам же Михаил Николаевич был не просто обеспокоен. Он был в панике.

В девять утра ему позвонили домой с киностудии и сообщили, что Алина найдена убитой. От телефонного звонка проснулась Ксения. Она слышала весь разговор, и от Мазуркевича не укрылось выражение удовлетворения, мелькнувшее на ее лице. Ну что ж, в конце концов, всем понятно, что сорокачетырехлетняя увядающая шлюха завидует двадцатипятилетней красавице и ненавидит ее молодость, славу, привлекательность. Он тогда не насторожился. Но через несколько часов стало известно, что пропали бриллианты Алины. Вот тут-то и вспомнил он искаженное презрением и холодной ненавистью лицо Ксении, швыряющей ему под ноги дорогие серьги, и ее слова: «Да подавись ты, импотент! Нашел чем испугать. А то я не найду, где взять бриллианты». И Михаила Николаевича Мазуркевича, президента киноконцерна «Сириус», охватил самый настоящий ужас. Да, он слышал, как его жена поливала грязью Алину несколько дней назад на просмотре в Киноцентре. Но о том, что Алина собиралась связаться с его тестем, банкиром Козыревым, он

узнал только сегодня. Чему ж тут удивляться, мужья, как говорится, всегда узнают последними. Наверняка Ксения узнала про это раньше. И вот результат… Фильм, в который вложено столько денег, не доделан, на концерне снова повисает огромный долг, а он, Михаил Мазуркевич, был мужем шлюхи, рогоносцем, а стал мужем убийцы. Боже мой, боже мой, за что же ему все это?

Алина Вазнис за девятнадцать лет до смерти

Впервые Алина Вазнис остро почувствовала свое одиночество, когда ей было шесть лет. Ее мать умерла, когда Алине было всего пять, и она осталась с отцом и двумя старшими братьями, тринадцати и девяти лет. Сестра отца сразу же после похорон стала говорить, что Валдису следует как можно скорее снова жениться, пока дом не развалился без женской руки и дети не отбились от семьи. Она же привела к нему какую-то дальнюю родственницу, тоже латышку, привезла ее прямо с хутора, откуда-то из-под Лиепаи. Через полгода после смерти жены Валдис Вазнис женился снова. Инга была молчаливой, скупой на ласку, но работящей и очень доброй. Детей не обижала, дом тянула, а большего от нее и не требовалось.

Однажды на улице к шестилетней Алине подошел парень лет семнадцати. Он был высоким, болезненно худым, с впалыми щеками, на которых ярко горели отвратительные красные прыщи, обрамлявшие большое коричневое родимое пятно. Парень протянул Алине конфету в блестящей золотистой обертке и присел перед ней на корточки. Девочка доверчиво подошла ближе, и тогда парень осторожно взял ее за руку и стал говорить разные слова. Алина тогда почти ничего не поняла, было много незнакомых слов, значения которых она не знала, но по всему выходило, что он собирался снять с нее трусики, а потом что-то делать с ее длинными густыми каштановыми волосами. Сами по себе слова ее не испугали, но вот глаза этого парня… Они были страшными, и все лицо его было страшным, и голос тоже, дрожащий, вибрирующий, и рука его, крепко сжимавшая ее маленькую ладошку, была страшной и почему-то липкой. Внезапно парень запнулся, на мгновение зажмурился, потом тяжело вздохнул и отпустил ее руку.

– Никому не рассказывай, – сказал он, поднимаясь. – А то глаза выколю.

Алина ни минуты не сомневалась, что он свою угрозу исполнит.

Дня два она мучилась, потом все-таки спросила старшего брата Иманта, которому уже исполнилось четырнадцать лет.

– Имант, а что такое сперма?

Брат побагровел.

– Не смей произносить это слово, – строго сказал он. – Это очень плохое слово, и если маленькие девочки его произносят, у них во рту вырастают отвратительные лишаи. Запомнила? Ты все запомнила?

– Да, Имант, – послушно ответила маленькая Алина. – Я больше никогда не буду произносить это слово.

Но пообещать было легче, чем сделать. Это было единственное незнакомое слово, которое ей удалось запомнить из бормотания того парня, и любопытство все-таки пересилило. Еще через несколько дней она спросила об этом свою подружку в детском саду. Та тоже не знала, что такое сперма, но пообещала выяснить у родителей. На другой день подружка пришла в садик и прямо с порога заявила:

– Я больше не буду с тобой водиться. Моя мама сказала, что ты плохая, испорченная девчонка, раз говоришь такие грязные слова, и я не должна даже близко к тебе подходить, чтобы не заразиться твоей испорченностью.

К вечеру и остальные дети в группе стали сторониться ее. Ночью, уткнув лицо в подушку и заливаясь горькими слезами, девочка думала в отчаянии: «Ну и пожалуйста, ну и не надо со мной дружить. Я больше никогда никому ничего не расскажу про себя. Никогда. Никому. Ничего. Никто мне не нужен. И я никому не нужна. Я буду совсем одна… Совсем одна…»

Долгие годы возле нее будут только трое мужчин и чужая неласковая и неразговорчивая женщина. Алина привыкнет быть одна и никому ничего о себе не рассказывать. Она привыкнет жить без подруг, без задушевных бесед, без доверительных откровений. А если бы брат Имант сначала спросил, откуда она

узнала это запретное для шестилетней девочки слово… И если бы воспитательница в детском саду поинтересовалась, отчего это дети больше не хотят играть с маленькой Вазнис… И если бы Валдис или Инга Вазнисы обратили внимание на то, что у Алины совсем нет подружек, никто ей не звонит, не приходит в гости и не зовет к себе… Но Алина хорошо училась и не болела, а стало быть, пристального внимания отца и мачехи не требовала. Если бы Имант не напугал ее лишаями во рту, если бы родители подружки не сказали, что она заразная, раз говорит такие мерзкие слова… Если бы…

Но случилось так, как случилось. И отныне Алина Вазнис была обречена на одиночество и постоянное, запрятанное глубоко внутри, глухое, болезненно ноющее отчаяние.

Глава 2

Каменская

Леонид Сергеевич Дегтярь, основатель и художественный руководитель музыкальной студии киноконцерна «Сириус», уже слышал о случившейся трагедии и потому живо и охотно откликнулся на Настину просьбу встретиться и поговорить. Уже несколько дней его мучил радикулит, и он, долго извиняясь и оправдываясь, предложил ей приехать к нему домой. Жил он в той же части Москвы, что и сама Настя, и около девяти часов вечера в субботу, 16 сентября, она переступила порог его большой и очень своеобразной квартиры.

Леонид Сергеевич, замотанный от шеи до бедер в теплые пуховые платки, выглядел глубоким старцем, хотя Настя, наведя о нем предварительные справки, знала, что ему всего пятьдесят два года и в «хорошем» состоянии он прекрасно ходит на лыжах и с удовольствием играет в волейбол. Едва войдя в квартиру, Настя услышала знакомые с детства звуки увертюры к «Травиате». Она тут же вспомнила, что, изучая утром программу телевидения, отметила галочкой фильм-спектакль, который должен был идти по петербургскому каналу примерно в это время, и от души пожалела, что теперь придется его пропустить.

А ей так хотелось послушать. Впрочем, может быть, не все еще потеряно: раз хозяин квартиры тоже включил телевизор, значит, и ему это интересно. Авось удастся хоть краем уха…

– Проходите, пожалуйста, – сделал гостеприимный жест Дегтярь. – Я прошу прощения, сейчас я включу видеомагнитофон, чтобы записать «Травиату», пока мы будем с вами беседовать. Потом послушаю.

– А на две кассеты нельзя записать? – вырвалось вдруг у Насти против ее воли. Она даже сообразить не успела, что делает, а язык сам произнес эти слова.

Леонид Сергеевич бросил на нее удивленный взгляд и шаркающей походкой направился в комнату.

– Разумеется, можно и на две. Вы тоже любительница? Или интересуетесь просто так, по службе?

– Нет, не по службе. Я люблю оперу, а «Травиату» особенно.

Дегтярь подключил параллельно два магнитофона, вставив в них кассеты, и повернулся к Насте:

– Почему именно «Травиату», позвольте спросить? Музыка красивая?

В его тоне Настя уловила легкую издевку настоящего меломана и знатока над поверхностной дилетанткой. Конечно, оперу по-настоящему знают сейчас немногие, куда уж тут работнику милиции. Но «Травиату», по крайней мере по названию, знают практически все. Поэтому сказать, что любишь эту оперу, это все равно что сказать: «Я очень люблю Пушкина, особенно «Евгения Онегина».

– На самом деле я люблю «Травиату» и «Пиковую даму», – улыбнулась Настя. – Потому что они – про жизнь, про настоящие трагедии, про любовь и смерть. Про живых обыкновенных людей, проще говоря. А не про королей, принцесс, злых волшебников и переодетых героев. Что же касается музыки, то в этой части мне больше нравится «Трубадур» и «Битва при Леньяно». Но это дело вкуса, конечно.

– Да? – внезапно оживился Леонид Сергеевич. – Забавно, ну надо же, как забавно…

– Что вас так позабавило? – насторожилась Настя.

– Именно из-за «Трубадура» и произошел скандал между Алиной Вазнис и Зоей Семенцовой…

…Музыкальная студия киноконцерна «Сириус», помимо клипов с хитами, взялась снимать видеофильмы-оперы. Фильмы эти предназначались для узкого круга настоящих меломанов, которые не удовольствуются тем, что возьмут кассету в прокате и один раз ее прокрутят, а будут покупать их, чтобы слушать постоянно. Кассеты эти были очень дорогими, но дело себя окупало. Для фильма подбирались хорошие актеры, делались отличные декорации, много снимали на натуре, а озвучание шло при помощи официальных или пиратских записей знаменитых певцов и самых лучших оркестров. Хорошо известно, как трудно подобрать молодого стройного тенора или юную прелестную сопрано, чтобы и вокальное, и драматическое мастерство их украсило фильм. Великий Карузо был маленьким и толстым. Лучшее современное сопрано мира – Монсеррат Кабалье, но она же в экран не влезает. Паваротти – тучен, Каррерас – строен, но мал ростом. Стройный и высокий Доминго при любом гриме не сойдет за молодого. А заставить истинного знатока приобрести кассету можно только вокалом мирового класса. Поэтому приходилось комбинировать.

Алина Вазнис начала подрабатывать в студии сначала на эпизодах, потом ей доверили роли второго плана. Полина в «Пиковой даме», Амнерис в «Аиде», Алиса в «Лючии ди Ламмермур». После того как удалось записать «Трубадура», поставленного в «Метрополитен Опера» с Лючано Паваротти и Мирелой Френи, Дегтярь задумал сделать и этот фильм. На центральную женскую роль молодой красавицы Леоноры пригласили пробоваться Алину Вазнис, а на вторую женскую роль, старой цыганки Азучены, – Зою Семенцову. Зое было уже хорошо за сорок, от неумеренного употребления алкоголя внешность ее давно потеряла свежесть, и на роль старой цыганки она подходила, как говорится, «более чем». И вдруг, как гром среди ясного неба, к Дегтярю заявилась Алина Вазнис и сказала такое, от чего у Леонида Сергеевича искры из глаз посыпались.

– Я хочу играть Азучену, – заявила девушка.

– Чего ты хочешь играть? – переспросил худрук, он же режиссер «Трубадура», решив, что ослышался.

– Я хочу играть Азучену, – повторила Алина.

– Ты больна? У тебя голова не в порядке? Какая Азучена? Это старая цыганка, прочти либретто, если не знаешь. Ее будет играть Зоя.

– Я читала либретто, и поэтому хочу играть Азучену. А Леонору я играть не буду. Она мне не интересна. Любит одного, и чтобы не выходить замуж за другого, готова принять постриг и уйти в монахини. А когда любимому предстоит умереть, выпивает яд, чтобы не пережить его. Цельный характер, все просто, как пряник. Что тут играть-то?

– Вот это и играть, цельный характер. Я не понимаю, чего ты хочешь, – развел руками Леонид Сергеевич.

– Мне неинтересно играть Леонору, – упрямо повторила Алина. – Отдайте мне Азучену.

– Но я не понимаю…

– Знаете, мне трудно рассказывать. Я лучше напишу вам трактовку роли, и вы сами убедитесь.

На следующий день она принесла Дегтярю несколько листков, исписанных четким крупным почерком. Прочтя их, режиссер был сильно озадачен. Действительно, Алина увидела в образе старой цыганки то, что обычно проходило мимо глаз, по крайне мере, ТАКОЙ трактовки он нигде не встречал. И тут же представил себе, как можно все это передать при помощи изобразительного ряда… Картина получалась заманчивой, и фильм при таком подходе обещал быть неординарным, не просто очередной «картинкой», иллюстрирующей лучшие голоса мира, а полным драматизма и истинной трагичности. Но если отдать роль Азучены молодой Вазнис, то возникает сразу два вопроса. Кто будет играть Леонору? И что делать с Зоей Семенцовой, уже прошедшей пробы и утвержденной на роль? Ну, положим, замену самой Алине найти можно, молодых красивых актрисулек – пруд пруди. Ведь Алина, в сущности, права, роль Леоноры совсем не сложная. А вот Зоя…

С Зоей Семенцовой все обстояло куда сложнее. Она пережила страшную трагедию, попав в автокатастрофу вместе с мужем и дочерью. В живых осталась только она. Выйдя из больницы, она начала пить «по-черному», и с крепких профессиональных актрис второго плана быстро скатилась до «эпизодниц», а потом и вовсе сидела без работы. С ней не хотели связываться, зная ее алкогольную ненадежность и истеричность. Потом Зоя долго лечилась и вроде бы выправилась. Азучена была первой ролью, которую ей доверили после долгого перерыва. Доверили с опаской, после ее многочисленных просьб и заверений, что теперь она «в порядке». Зою жалели, да и актрисой она была очень неплохой. И как теперь отнять у нее роль, которую она с таким трудом, путем таких унижений вымолила себе? Как сказать ей, что Азучену она играть не будет? В «Трубадуре» есть еще только одна женская роль, совсем уж «эпизодная», но она для молодой женщины. Зоя на эту роль ну никак не «катит».

Короче, скандал был ужасный. Зоя орала как резаная, грозилась «удавить эту соплячку», плакала, умоляла, чуть не в ногах валялась. Ведь это был ее шанс доказать, что она снова может работать. И этот шанс у нее отобрали. Причем как отобрали! Утвердили на роль, а потом передумали. Слухи-то какие пойдут, пересуды! После этого уже ни один режиссер ей ничего не предложит. Будут думать: что эта алкоголичка еще вытворила, что ее с роли сняли? Нет уж, от греха подальше с ней связываться.

В общем, Азучену сыграла Алина Вазнис, и это получилось действительно здорово. Фильму сделали грамотную рекламу, и все кассеты вмиг разошлись, пришлось дважды дополнительно тиражировать.

После «Трубадура» Дегтярь решил ставить «Риголетто», использовав известную запись с Марио дель Монако и Райной Кабаиванской. И пригласил Алину сыграть, естественно, Джильду, в глубине души ожидая, что она сейчас опять что-нибудь выкинет, например, скажет, что Джильда ей не интересна, а вот совсем небольшую роль Маддалены она с удовольствием сыграет. Но Алина и тут повела себя неожиданно, не произнеся ни слова о Маддалене.

– Я с удовольствием буду играть Джильду, – заявила она. – Но только так, как я ее понимаю, а не так, как всегда было принято.

– И как же это? – подозрительно спросил Леонид Сергеевич.

– Ну… Мне трудно объяснять, я лучше напишу.

И написала. В общем, с «Риголетто» история получилась такая же, как и с «Трубадуром». Кассеты нарасхват, и три дополнительных тиража…

– А что Семенцова? – вернулась Настя к интересовавшей ее теме.

– Да ничего. Почти все время в простое. После того случая с Азученой снова начала пить, потом снова лечилась… Недавно ее пробовали на эпизод, но неудачно. Не взяли. Но Алину она с тех пор ненавидела жутко. Что ж, ее можно понять.

– Леонид Сергеевич, а вас не удивляло, что свои трактовки Алина не могла объяснить, а приносила вам в письменном виде?

– Что вы имеете в виду? Что кто-то за нее все это сочинял? Да нет, уверяю вас. Алина действительно была, как бы это помягче выразиться… гигантом мысли, но не гигантом речи. Вот так приблизительно, если вам понятно, что я имею в виду. Она очень плохо говорила, речь была совершенно не развита. Память у нее была отличная, роли учила легко и произносила тексты без запинки, но вот собственные мысли выразить – это всегда было для нее проблемой. Как будто ступор какой-то на девочку находит, мямлит что-то, слова повторяет, фразу до конца выстроить не может, чтобы подлежащее не потерять. Очень плохо говорила. А вот письменная речь – отменная. Знаете, это довольно часто встречается, правда, как правило, в обратном варианте. У человека может быть прекрасная, яркая, образная речь, а как дело доходит до бумаги и ручки – куда только все девается? Сухие казенные фразы, читать тошно. Но у Алины было наоборот. Да вы можете сами убедиться, у меня сохранились ее записи по Азучене и по Джильде. Хотите, я вам дам их почитать?

– Конечно, Леонид Сергеевич. Большое вам спасибо. Вы вообще хорошо знали Алину?

– Как вам сказать… Она снималась у меня на протяжении трех лет, пока ее Андрюша Смулов не забрал. Тому уже года четыре будет. В эти четыре года я видел ее часто, все-таки в одном объединении работаем, а общались мы с ней мало. Но я вам скажу откровенно, рядом с Андрюшей она очень выросла как

актриса. В ней была бездна таланта, но… Тут как с устной речью. Что-то все время ей мешало раскрыться полностью. Ресурс, я чувствовал, огромный, а заперт в чулане, и как открыть замок – она не знает. Такое впечатление, что она стеснялась публики. Съемки в павильоне всегда проходили отменно, а вот как только выйдем на натуру – все, конец. Алина как замороженная. В павильоне-то все свои, а на натуре почти всегда толпа любопытствующих собирается. Андрей сумел с этим справиться, честь и хвала ему. Бился он с ней долго, но у него получилось. Такая актриса погибла! И только-только самый расцвет у нее начался… Андрюшу жалко безумно. Он ведь не только любил ее, она была ЕГО актрисой. Без Алины он уже ничего толкового снять не сможет, и это сейчас, когда у него второе дыхание открылось… Жаль.

Он пододвинул Насте пепельницу.

– Курите, не стесняйтесь, я же вижу, как вы мучаетесь, все на пепельницу посматриваете. Меня дым не раздражает.

Настя благодарно кивнула и с наслаждением закурила. Ей нравилось сидеть здесь, в этой квартире с выломанными перегородками между комнатами, превращенной в один большой зал, со стенами, увешанными фотографиями знаменитых музыкантов и певцов. Краем уха она слышала бессмертную музыку Верди, и уходить отсюда ей не хотелось, хотя приличия требовали сворачивать визит – шел одиннадцатый час.

– Расскажите мне о Зое Семенцовой, – попросила она Дегтяря.

– Что вам рассказать? Вас, как я понимаю, интересует вопрос, могла ли она убить Алину?

– Вы очень прямолинейны, Леонид Сергеевич.

– А вас это пугает? Так вот, я отвечу вам: да, могла. По состоянию души, психики, если вам так больше нравится, – могла. Вполне. А по физическим данным – вряд ли. Алина, конечно, не баскетболистка, но и не кроха, она – нормального женского среднего роста, примерно метр шестьдесят девять. Это я еще с тех пор, как снимал ее, помню. И весила она килограммов шестьдесят пять – шестьдесят восемь. А Зоя – маленькая, худющая, как большинство пьющих, ножки как палки, ручки как спички. Застрелить – да, отравить – тоже да. Но не

задушить.

– А если предположить, что Алина Вазнис была в бессознательном состоянии? Спала, пьяна, в обмороке?

– Ну тогда конечно, – развел руками Дегтярь. – А что, есть данные, что она умерла, находясь в бессознательном состоянии?

– Пока нет, – призналась Настя. – Результаты вскрытия будут только завтра. Это я так спросила, на всякий случай. И что же, вы полагаете, что Семенцова столько лет копила обиду? Ведь тогда, пять лет назад, ее обида и ненависть были, наверное, намного острее, чем сейчас? Почему же не тогда? Почему именно теперь?

– Э-э, голубушка, вот именно что теперь. В этом-то весь и фокус, что теперь, когда Алина на взлете, когда на небосклоне маячит всемирная известность. Когда она из подающей надежды стала звездой. Вот тут-то самая острота и начинается. Уснувшая ненависть оживает. Чаю хотите?

– Да неудобно мне, Леонид Сергеевич, уже поздно, вы нездоровы, а я вас мучаю. Мне, наверное, уже пора оставить вас в покое, хотя вопросов у меня осталось еще много.

– А вы не стесняйтесь, – улыбнулся Дегтярь. – Я сейчас один, жена с внуками и собакой на даче, так что вы никого не обеспокоите. И потом, если вы сейчас уйдете, то как же «Травиата», которую вы якобы любите?

Он лукаво подмигнул и рассмеялся.

– Давайте уж запишем ее до конца, заберете кассету, потом как-нибудь при случае вернете мне чистую взамен этой.

– Тогда спросите меня снова, хочу ли я чаю, и я честно вам признаюсь, что хочу кофе.

Насте чем дальше, тем больше нравился этот скрюченный радикулитом человек, и его предложение задержаться она восприняла с радостью. Однако как же она

будет возвращаться домой так поздно? Анастасия Каменская вовсе не была храброй и отчаянной, какими принято рисовать работников уголовного розыска. И темных улиц она боялась точно так же, как любая другая женщина тридцати пяти лет, может быть, даже чуть больше, потому что сводки происшествий читала ежедневно, а вот быстро бегать и метко стрелять не умела совсем. И тут в голову ей пришла неожиданная мысль.

– Леонид Сергеевич, у вас есть телефон вашего начальника службы безопасности?

– Владислава Николаевича-то? Обязательно. У каждого сотрудника «Сириуса», вплоть до уборщицы, есть номер, по которому можно с ним связаться в любое время суток. Сотовая связь.

– Позвоните ему, пожалуйста, я хочу с ним поговорить.

Стасов

Он ехал домой усталый и злой, потратив несколько часов на выяснение того, где вчера поздно вечером шлялась непутевая жена шефа. Узнал он совсем немного, и это ему не нравилось. С утра Ксения была дома часов примерно до двух, потом пила кофе в баре Киноцентра. Ну, наверное, пила она не только кофе, во всяком случае, видели ее там часов до пяти примерно. Потом – провал до без четверти восемь, когда она встретилась со своей приятельницей возле станции метро «Красные ворота», чтобы взять у той очередной рецепт на транквилизаторы. Приятельница работала в психоневрологическом диспансере и снабжала Ксению рецептами, которые выписывал по ее просьбе знакомый врач. Встреча была назначена на девятнадцать тридцать, но Мазуркевич, как водится, опоздала примерно минут на пятнадцать. И после этого – снова провал, уже до ее возвращения домой в пять минут четвертого утра.

Тело Алины Вазнис было найдено со следами удушения, но Стасов слишком долго работал в уголовном розыске, чтобы схватиться за одну версию и не замечать других. Сразу же после получения информации о встрече Ксении с приятельницей из диспансера он связался с Мазуркевичем и попросил проверить сумочку супруги. Ни рецепта, ни купленных по нему лекарств в сумке не

оказалось. В тумбочке возле кровати, в спальне, новых упаковок тоже не обнаружилось. Конечно, все это ничего не доказывало, мало ли где Ксения могла хранить рецепт и лекарства. Может, она использует рецепт в качестве книжной закладки, а таблетки носит в кармане. Но все-таки, все-таки… А что, если выяснится, что Алину Вазнис отравили? Правда, таблеток для этого нужна хренова туча, но кто сказал, что у Ксении их не было? Девка из диспансера долго упиралась, но призналась все-таки, что один рецепт был на 50 таблеток, другой – на 30. А причина убить Алину Вазнис у Ксении Мазуркевич была, и еще какая! Вот черт, невезуха.

Стасов свернул с Садового кольца на Брестскую улицу, и в это время заверещал телефон.

– Владислав Николаевич, это Дегтярь беспокоит, из музыкальной студии, – послышался в трубке неуверенный голос. – Ничего, что я так поздно?

– Ничего, я еще не дома. Что у вас случилось, Леонид Сергеевич?

– У меня тут… В общем, в гостях как бы… Сотрудник уголовного розыска, Каменская Анастасия Павловна. Она хочет с вами переговорить.

– Давайте.

Каменская. Стасов много слышал о ней, когда работал на Петровке. Слышал всякое, и удивленно-восхищенное, и откровенно грязное. Что будто мозги у нее работают как компьютер, и усталости не знает, и память феноменальная. И что она – любовница начальника отдела по борьбе с тяжкими насильственными преступлениями, что не работает наравне со всеми, все в основном в кабинетике посиживает да кофеек попивает. И будто лапа у нее волосатая есть в Министерстве, в главке, не кто иной, как сам генерал Заточный, человек влиятельный и могущественный. Уж спит там она с ним или не спит – вопрос третий, а вот то, что видели их вместе рано поутру прогуливающимися по парку, да чуть ли не под ручку, – это было. Каменская…

– Добрый вечер, – донесся из телефонной трубки приятный низкий голос. – Это Каменская.

– Добрый, – хмуро откликнулся Стасов. – Чему обязан?

– Убийству, чему же еще, Владислав Николаевич. Я могу с вами встретиться?

– Когда?

– Чем скорее, тем лучше. Можно прямо сейчас.

– А на часы вы смотрите или пренебрегаете такой ерундой? – сердито поинтересовался он. – У меня ребенок дома один.

– Извините, – мягко сказала она. – Я не знала. Если так, то назначьте мне удобное для вас время.

– Завтра в десять утра вас устроит?

– Спасибо. Завтра в десять. Где?

– В «Сириусе». Я предпочитаю официальную обстановку.

– Хорошо. Еще раз прошу извинить меня. Всего доброго.

Стасов вырулил на Сущевский вал и погнал машину в сторону Савеловского вокзала. На душе после разговора с Каменской остался неприятный осадок. Может, зря он так? Лилей прикрылся, как квочка-служащая, которая никогда не остается поработать сверхурочно, дескать, дети у нее, и хоть трава не расти. А почему бы ему и не встретиться с Каменской? Убудет от него, что ли? Устал? Так ведь и она не отдыхает. Неужели ему хватило всего четырех месяцев, прошедших с момента его увольнения на пенсию, чтобы забыть своих бывших коллег? Перестать им сочувствовать? Стать равнодушным?

Он набрал номер своего домашнего телефона, будучи уверенным, что Лиля все равно еще не спит. Так оно и оказалось, дочка сняла трубку после первого же гудка.

– Ты почему не спишь?

– Но завтра же воскресенье…

– Ладно, читай, я сегодня добрый. Кстати, что ты читаешь?

– «Анжелику».

– Тебе рано еще. Читай лучше Конан-Дойла.

– Я про Шерлока Холмса уже все прочитала.

– Ну про любовь почитай, у него и про любовь есть, например «Открытие Рафлза Хоу».

– «Анжелика» тоже про любовь, – возразила Лиля.

– Тебе рано, – категорически отрезал Стасов. – Закрой и поставь на место.

– Ну папа…

– Все, котенок. Не обсуждается. Ты поела?

– Да, бульон и сосиски с салатом.

– Молодец. Не скучаешь?

– Не очень.

– Не боишься?

– Нет. А ты скоро придешь?

– Видишь ли, у меня есть еще одно дело, но если ты очень хочешь, я отложу его до завтра и приеду сразу же.

– Что ты, папа, не откладывай. Со мной все нормально.

– Ладно, тогда еще немножко можешь почитать и ложись.

Стасов по достоинству оценил деликатность своей дочери, тем более что в деликатности этой была изрядная доля детской хитрости. Пусть отец занимается своими делами, зато она сможет еще почитать про Анжелику не сорок минут, а целых два часа. Если не уснет, конечно.

Он вздохнул и снова набрал номер, на этот раз номер Дегтяря.

– Леонид Сергеевич, Каменская еще у вас?

– Да, передаю ей трубку.

– Вот что, – сказал Стасов, услышав ее глуховатое «Да, Владислав Николаевич». – Если вы не передумали, мы можем встретиться сейчас.

– Спасибо.

– Выходите из дома через двадцать минут, я подъеду.

– Спасибо, – повторила она.

– Пока что не на чем, – буркнул Стасов.

Через двадцать минут он подъехал к дому, где жил руководитель музыкальной студии, и сразу увидел высокую худощавую фигуру в темной куртке и джинсах. Он напряг память, но так и не вспомнил, как выглядит Каменская, которую он видел в коридорах Петровки, наверное, сотни раз. Она открыла дверь и села вперед, рядом с ним. Стасов включил свет в салоне и сразу же вспомнил ее. Да, конечно, это она, белесая, невзрачная, с длинными стянутыми на затылке волосами. Интересно, как у нее с мужиками? «Небось, старая дева», – подумал он.

– Добрый вечер, меня зовут Анастасия, можно просто Настя и на «ты».

– Владислав. Можно Влад или Стас, как больше нравится.

– А Слава?

– Тоже годится, – улыбнулся Стасов. – И, разумеется, тоже на «ты».

Ему вдруг стало легко и спокойно. Он сразу понял, что никакая она не любовница полковника Гордеева. И вообще ничья она не любовница в том смысле, какой принято вкладывать в это слово, когда говорят о служебных отношениях. И если ее что-то и связывает с самим генералом Заточным, пусть даже и интим, то за этим стоит что-то совсем другое. Не просто постель для удовольствия, а интеллектуальное партнерство и дружеская симпатия. Женщины с такой внешностью и такой манерой держаться не бывают просто любовницами, уж это-то Стасов знал совершенно точно. А то, что гадостей много про нее говорят, свидетельствует лишь о ее достоинствах. Не обсуждают только тех, кто ничего из себя не представляет.

– Куда едем? – спросил он, разворачивая машину.

– На Щелковское шоссе.

– А там что?

– А там я живу. Если ты не возражаешь, мы поднимемся ко мне, выпьем чаю и поговорим.

– Слушай, я тебя сегодня уже спрашивал, смотришь ли ты на часы хотя бы иногда. Смотришь?

– Угу, – кивнула Настя. – Смотрю и вижу, что до утра остается все меньше и меньше времени, а вопросов у меня возникает все больше и больше. А мне к утру надо иметь хотя бы минимально четкое представление о ситуации.

– Ты что, совсем не спишь по ночам?

– Сплю, еще как сплю. Но могу и не спать, если есть о чем подумать. Сверни налево, дворами проедем, так ближе получится.

Было уже больше половины двенадцатого, когда они поднялись в лифте на девятый этаж. Открывая дверь, Каменская вдруг начала хохотать.

– Ты что? – оторопел Стасов.

– Знаешь, я сегодня уже во второй раз принимаю дома постороннего мужчину, в то время как мужа нет. Хорошие свидетельские показания можно скроить из этого, а? Достаточно одной глазастой соседки – и прощай, репутация. А ведь ни сном ни духом, вот что обидно. Проходи, раздевайся.

– Разве ты замужем? – машинально спросил Стасов прежде, чем успел прикусить язык.

– А что? Не похоже? Ты думал, я старая дева?

– Мысли читаешь? – усмехнулся он, пытаясь скрыть смущение от собственной неловкости.

– Не все, только банальные. Да ты не смущайся, на мою внешность все попадаются как на удочку, и ты не исключение. Тихая, забитая серая мышка – очень удобно, никто тебя всерьез не воспринимает.

– А на самом деле ты зубастая щучка?

– На самом деле я злобная свирепая крыса. Да не стой ты как истукан, проходи в кухню. Ты что пьешь, чай или кофе?

– Чай. Какой кофе на ночь-то.

Он огляделся. Кухня в квартире у Каменской была крошечная, но наметанным глазом Стасов сразу определил, что она любовно и тщательно обустроена для длительного времяпрепровождения. Над столом – бра с яркой лампой, сразу видно, что здесь не только едят, но и читают. Мебель расставлена так, чтобы можно было, сидя на стуле, дотянуться до плиты, рабочего стола и мойки. Все компактно, функционально, ничего лишнего. У самого Стасова кухня была устроена безалаберно, но привести ее в порядок все руки не доходили.

– Ты знакома с Заточным? – вдруг спросил он ни с того ни с сего.

– С Иваном Алексеевичем? Знакома, – ответила Настя, ловко управляясь с длинным белым батоном и солидным брикетом сыра, из которых мастерила гренки.

– И как он тебе?

– Профессионал экстра-класса. А то ты сам не знаешь. Ты же под ним работал, разве нет?

Анастасия была права, Стасов действительно работал в Управлении по борьбе с организованной преступностью, а Заточный был одним из руководителей соответствующего главка в Министерстве.

– Работал, – согласился он. – Но мне интересно твое мнение.

– Да брось ты.

Она повернулась к нему лицом и встала, опираясь спиной на длинный узкий шкаф-пенал, точь-в-точь такой же, какой стоял на кухне у самого Стасова, только другого цвета.

– С чего бы тебя заинтересовало мое мнение? Я что, Ванга? Джуна? Наслушался ты всякого дерьма про меня и Ивана, вот и спрашиваешь. Думаешь, я не знаю, что меня считают его бабой? Знаю я прекрасно. И хочется мне, Стасов, послать тебя подальше, поконкретнее и погрубее. Но поскольку неудовлетворенное любопытство хуже больного зуба, я тебе отвечу. Я никогда не спала с генералом Заточным. Ни-ко-гда. А то, что он мне нравится, – это да. Это есть. Скажу тебе больше, ровно за месяц до своей собственной свадьбы я влюбилась в него, правда, всего на несколько дней, у меня это бывает. Знаешь, прибьет эдак, и что хочешь – то и делай. Но проходит быстро, самое большее – за две недели. Дольше двух недель в моей влюбчивой душе ни один мужик еще не продержался. Единственное исключение составил Чистяков, так и то я за него замуж в результате вышла. Тебя удовлетворил мой ответ?

– Извини, – просто сказал Стасов. – Я не хотел тебя обижать. Но мне правда было любопытно. Все-таки Заточный – это фигура. Вас вместе видели…

– И еще много раз увидят. На всякий случай скажу тебе заранее, что два раза в месяц по воскресеньям мы ходим рано утром гулять в Измайловский парк. С семи до девяти утра. Это такая традиция, что-то вроде ритуала.

– Господи, да о чем же вы разговариваете с Иваном? Кто он – и кто ты… Тоже мне, парочка.

– Тебе не понять, – сухо ответила Настя, аккуратно складывая на сковороду куски белого хлеба с сыром. – Люди могут и не разговаривать. Просто сама по себе ситуация приводит их в определенное душевное состояние. В первый раз мы пошли вот так рано утром гулять, когда я занималась одним убийством, а у Заточного сотрудник оказался в этом замешан. Ходили мы с ним по парку, вслух вычисляли, от кого идет утечка информации, а сами потихоньку друг друга подозревали. Противно было, тяжко – аж зубы сводило. А потом оба не выдержали и объяснились. Дескать, я вам не верю потому-то и потому-то, а я, со своей стороны, вам не верю. В общем, поговорили. И как камень с плеч. Так хорошо нам стало, тепло, надежно… Теперь вот встречаемся рано утром и ходим, молчим, а на душу благодать снисходит.

Стасов молчал, вспоминая, как четыре месяца назад ходил по улицам рядом с Татьяной, с которой только что познакомился, и умирал от восторга и какой-то необъяснимой нежности.

– Эти ваши прогулочки посильнее постели, пожалуй, будут, – заметил он. – Если бы мне сказали, что на мою любимую женщину снисходит благодать, когда она гуляет по парку с другим мужчиной, я бы сдох от ревности. Уж лучше бы она с ним просто спала, это хоть не так обидно. Быть плохим любовником не стыдно, это уж кому что дано. А вот понимать, что ты скучен и неинтересен – это совсем другое. Тут уж вешаться впору.

– Приятно, что ты это понимаешь, – усмехнулась Настя.

Она налила Стасову чай, себе – растворимый кофе, поставила на стол большую плоскую тарелку с гренками и села напротив него.

– А теперь, – сказала она, сделав маленький глоток и поставив чашку на блюдце, – ты меня спросишь, с чего это я перед тобой так открываюсь. Да? Вроде впервые разговариваем, только-только познакомились, а я с тобой так

откровенничаю. Подозрительно?

– Ну, в целом… Конечно, подозрительно. Туфту гонишь? Проверяешь?

– Нет, правду говорю. Но у меня, Стасов, выбора нет. А когда выбора нет, тогда все просто. Есть один путь, по нему и топай, хочется тебе или нет, но топай. Мне убийство надо раскрыть, а для этого мне нужен ты. И темнить с тобой, врать и, как ты выразился, туфту гнать опасно. Ты можешь уличить меня в неискренности, и тогда ничего у нас с тобой не получится. Мне с тобой дружить надо.

Стасов внутренне поежился. Насквозь она видит, что ли? Но, с другой стороны, такая простая, открытая…

– Будем дружить, – кивнул он. – Пойми меня правильно, я в «Сириусе» работаю всего месяц. С одной стороны, я заинтересован в том, чтобы убийство Алины было раскрыто, неважно кем, вами, или мной, или вместе. Важно, чтобы убийца был разоблачен. Потому что если этого не случится, то с вас какой спрос, а с меня Мазуркевич башку снимет. Зачем ему начальник службы безопасности, если ведущих актрис могут безнаказанно убивать. Ловишь мою мысль?

– Догоняю, – ответила Настя, чуть усмехаясь.

– С другой стороны, я за этот месяц еще мало во что вник, людей знаю плохо, и вообще… Одним словом, помощник из меня слабоватый получится. Но можешь рассматривать меня просто как дополнительную рабочую силу. Считай, что я – еще один опер в вашей группе. И можешь на меня полностью рассчитывать.

– Не могу, – вздохнула Настя. – Есть одно «но». И сейчас придет твоя очередь открываться. И выбора у тебя, Слава, тоже не будет, как и у меня. Тебя очень сильно звал к себе на работу президент киноконцерна РУНИКО Борис Рудин. Он предлагал тебе зарплату по меньшей мере в два раза выше, чем ты получаешь в «Сириусе» у Мазуркевича. Но ты тем не менее работаешь именно в «Сириусе». И это наводит меня на мысль, что тебя с Мазуркевичем связывает что-то личное или, напротив, что-то финансовое, деловое. Поэтому, если в процессе следствия будут затронуты интересы Мазуркевича или его жены, ты не будешь мне помогать. Более того, ты начнешь мне мешать. Развей, пожалуйста, мои сомнения. И не надо мне рассказывать о том, что Рудин – любовник твоей

бывшей жены, поэтому, мол, тебе не хочется у него работать. Для меня это не аргумент, тем более что разница в деньгах очень заметная и ради нее можно и плюнуть на жену, тем паче бывшую.

Вот это номер! Каменская, оказывается, неплохо подготовилась к знакомству с ним, Стасовым. Бьет не глядя, но попадает точно. Попробуй тут соврать, черт ее знает, как глубоко она копнула, а попадаться на вранье не хочется, да и глупо. Он нужен ей. Но и она нужна ему. Но она ошиблась, выбор у него есть, и ему придется его сделать, выбор этот, прямо сейчас, здесь, на этой самой кухне. Он должен решить, покрывать ли ему Ксению Мазуркевич. Если убийство Алины Вазнис совершила она и начальник службы безопасности выведет жену своего шефа на чистую воду, то начальник этот останется без работы на всю оставшуюся жизнь. Тут все понятно. Кому охота пригревать на груди змею и жить на пороховой бочке. А если будет ее выгораживать, давая милиции заведомо ложную информацию? Своих-то коллег бывших обмануть можно, не фокус, и Ксению вытащить можно, а вот дальше-то что? Мазуркевич будет знать, что он, начальник службы безопасности Владислав Стасов, вполне профессионально водит за нос уголовный розыск и укрывает убийц от правосудия. Завтра он с кем-нибудь поделится этой информацией, послезавтра она уйдет гулять по самой широкой общественности, а еще через два дня по его, Стасова, душу явятся крутые дяденьки с требованием, чтобы он шел работать на них. Пойти – влипнуть в такой криминал, из которого уже не вывернешься, сядешь в ближайшие же полгода, а то и не просто сядешь, а под «вышак» подлетишь. Не пойти – проживешь максимум часа два, ну три от силы. Нет, выходит, Каменская все-таки права, надо с ней дружить и искать убийцу Алины, кто бы этим убийцей ни оказался. Лучше уж остаться без работы, но живым, чем с работой, но покойником.

– Я расскажу тебе, почему я не люблю Борю Рудина и не хочу у него работать. И еще я расскажу тебе о том, как меня вызвал сегодня Мазуркевич и просил проверить алиби его жены Ксении…

Алина Вазнис за пять лет до смерти

«Леонид Сергеевич! Вы, наверное, хорошо знаете сюжет «Трубадура» и музыку, но никогда не слушали эту оперу на русском языке. Потому что если бы

слушали, то обратили бы внимание на слова Азучены в финале. Собственно, этими словами заканчивается вся опера. Глядя из окна, как казнят ее приемного сына Манрико, она восклицает: «Отомщена родная мать!» И эти слова переворачивают все представление об образе старой цыганки.

Что есть Азучена? Цыганка из табора. Когда-то, много лет назад, ее мать схватили в замке графа ди Луна и сожгли на костре по обвинению в колдовстве. За что? За то, что ее застали возле постели одного из сыновей графа, и ребенок после этого стал чахнуть и болеть. Можем ли мы считать, что мать Азучены ни в чем не виновна? Точно ли мы можем быть уверены, что болезнь ребенка носила случайный характер и не была спровоцирована злонамеренными действиями цыганки? Ведь если она не хотела ничего плохого, зачем пробралась в замок, зачем стояла возле кроватки младенца? Я склонна все-таки считать, что мать Азучены была виновна, может быть, в отравлении, может быть, в каком-то экстрасенсорном воздействии, но безусловно виновна. И наказана вполне заслуженно, хотя и неоправданно жестоко.

Что происходит дальше? Азучена, желая отомстить за смерть матери, пробирается в замок графа и похищает одного из его сыновей, совсем маленького. Похищает для того, чтобы сжечь на костре в отместку за смерть матери. Убить младенца? Невинное дитя? Даже и в отместку, но, Леонид Сергеевич, согласитесь, это все-таки не по-христиански. Это против бога. И горящую праведным гневом Азучену это никак не украшает и не оправдывает.

Далее. Азучена, сама недавно ставшая матерью (что, кстати, подчеркивает ее абсолютную жестокость – иметь на руках ребенка и не пожалеть чужого малыша), приносит похищенное дитя к костру, на котором только что казнили ее мать, чтобы его сжечь. Но, будучи в сильном волнении, бросает в огонь собственного сына вместо сына ненавистного графа ди Луна. И после этого, отплакав и отрыдав свое, берет похищенного младенца и начинает растить его как собственного ребенка. Почему, спрашивается? Если уж ты так сильно ненавидишь графа, так брось его сына в лесу, пусть его волки съедят. Или сожги в том же костре, благо он еще, наверное, не догорел. Но нет, Азучена испытывает жалость к ребенку и, по-видимому, раскаяние. Только что лишившись собственного сына, она понимает весь ужас того, что собиралась натворить с графом, а сделала в результате с самой собой. Логично было бы после этого вернуть ребенка в замок, чтобы не причинять графу страдания, которые только что испытала она сама. Но она и этого не делает! Стало быть, не жалость и не сострадание руководили ею в тот момент. Тогда что же?

Мне представляется, что Азучена оставила маленького графа у себя с одной-единственной целью – заполнить внезапно образовавшуюся пустоту. С момента рождения собственного ребенка все ее существо приготовилось жить в режиме заботы, опеки, нежности, безграничной любви к крошечному существу. Механизм запущен, и вдруг оказывается, что он должен работать вхолостую. Душа, подобно железам, вырабатывает вещество, состоящее из нежности, любви, стремления защитить, и вещество это предназначено для того, чтобы окутывать ребенка. А ребенка нет. И оно разъедает душу и уничтожает ее, оставляя страшные язвы. Азучена производит механическую подмену объекта. Раз нет больше своего ребенка – возьмем чужого. Какая разница? Лишь бы с ума не сойти.

Она забирает малыша в табор, дает ему имя Манрико, и он растет среди цыган, ни о чем не подозревая. Что же происходило с Азученой все эти годы? Привязалась ли она к Манрико, привыкла ли считать его своим сыном? И да, и нет. Да, потому что переживает за его судьбу и помогает в его борьбе, насколько это вообще в ее силах. И нет, потому что, даже теряя его, даже видя, как его лишают жизни, она помнит о мести за свою сожженную на костре мать. И не рвет на себе волосы, а торжествует и потрясает морщинистыми старческими руками. И мне кажется, Леонид Сергеевич, что на протяжении всей оперы в Азучене происходит постоянная внутренняя борьба между привязанностью к юноше, которого она вырастила, и неотмщенной обидой за мать.

Можем ли мы считать, что с годами Азучена сделалась мудрее и все реже вспоминала о мести? Вряд ли. Если бы она сделалась мудрее, она бы подумала в первую очередь о том, что мать ее была наказана справедливо, и, стало быть, вопрос о мести вообще неправомерен. Поскольку она этого так и не поняла до самой старости, можно считать, что жажда мести с годами не стала менее острой. Отношение же к Манрико, напротив, с годами должно было становиться все более мягким, ведь даже между врагами происходит притирание и привыкание, если они много лет живут вместе. А они отнюдь не были врагами. И чем дальше, тем больше раздирало ее душу это страшное противоречие между стремлением отомстить за мать и любовью к приемному сыну. Наверное, самый пик этой душевной борьбы как раз и пришелся на те события, о которых повествует опера. Манрико ведет свою борьбу со старшим сыном графа ди Луна, то есть со своим родным братом, о чем, естественно, и не подозревает. Но Азучена-то знает, прекрасно знает, что Манрико поднял руку на родного брата, что, между прочим, тоже противоречит божескому канону. И взирает старая цыганка на это безобразие вполне равнодушно, ее совершенно не пугает тот

факт, что Манрико по неведению поступает, мягко говоря, не совсем правильно. Она, поощряя войну, которую ведет Манрико со своим родным братом, косвенно мстит семье ди Луна, радуясь их поражениям и потерям. Более того, она поощряет Манрико и в его любви к Леоноре, на которой хочет жениться сам его старший брат. Чего же Азучена желает для Леоноры, между прочим, герцогини, согласно либретто, девушки из семьи хоть и обедневшей, но дворянской? Жизни в кочевом таборе? Леонора не пара ее приемному сыну, это очевидно, более того, она будет чужой в таборе, и это вызовет недовольство остальных цыган. Но это – пусть. Лишь бы еще одна потеря в стане ди Луна, лишь бы и в этом ему досадить. Нет, мысль о возмездии старую цыганку Азучену отнюдь не покинула, теперь в этом можно уже не сомневаться.

Еще один момент. По ходу действия Азучена имеет возможность общаться с графом, братом Манрико. Разве воспользовалась она возможностью остановить братоубийство, открыв ему глаза на происхождение его заклятого врага? Нет. Она дождалась, пока Манрико казнят, и только после этого злорадно сообщает графу: «Видишь, что ты наделал? То брат твой родной!» Вот он, момент ее наивысшего торжества.

И последнее. Когда Азучена попадает в плен к графу ди Луна, один из его военных командиров, Феррандо, опознает в ней дочь старой цыганки, двадцать лет назад сожженной на костре. Опознает спустя двадцать лет! Вам это ни о чем не говорит, Леонид Сергеевич? Я специально посмотрела несколько постановок «Трубадура» и в оперных театрах, и в записях, и всюду Азучена – морщинистая патлатая старуха. А сколько же ей лет на самом деле? Самое большее – пятьдесят, но на самом деле наверняка меньше, едва-едва сорок. Это во-первых. Во-вторых, если Феррандо узнал ее спустя двадцать лет, стало быть, она не так уж сильно изменилась, во всяком случае, совершенно точно, она не превратилась из молодой цветущей женщины, только что родившей своего первого ребенка, в ужасную костлявую, горбатую старуху. Иначе никакой Феррандо не смог бы ее узнать, вспомнить ее лицо через двадцать лет.

Подводя итог всему, что я здесь написала, хочу сказать: Азучена – персонаж безусловно отрицательный, исходя из логики ее поступков, но автор оперы ей явно симпатизирует, это недвусмысленно следует из музыки. И я, если вы мне позволите, буду играть именно эту двойственность, неоднозначность ее образа. Внешность же Азучены должна соответствовать ее реальному возрасту, это яркая сильная женщина, еще не утратившая своей красоты…»

Глава 3

Коротков

Пока Анастасия Каменская прорабатывала «женские» линии, пытаясь установить, почему же покойную Алину Вазнис так люто ненавидели вышедшая в тираж актриса Зоя Семенцова и жена президента «Сириуса» Ксения Мазуркевич, Юрий Коротков занимался неким Николаем Харитоновым, работавшим в киноконцерне администратором.

Харитонов был типичным неудачником, одним из тех, кому категорически противопоказано заниматься бизнесом и кто тем не менее упорно стремится сделать «быстрые» деньги, вложив рубль и через два дня «наварив» тысячу. Все его проекты проваливались один за другим, но он настойчиво, не успев вылезти из предыдущего долга, втягивался в следующий. В январе 1995 года он попросил в долг у Алины три тысячи долларов на четыре месяца под пятнадцать процентов в месяц – именно столько платил Алине тот банк, где она держала свои сбережения. Четыре месяца истекли 15 мая, но Харитонов деньги не отдал. Более того, он начал вроде бы даже избегать Алину.

Все лето Алина провела в экспедициях, снимаясь в новом фильме Андрея Смулова «Безумие», действие которого в большей своей части проходило на морском побережье. 15 сентября, по истечении еще четырех месяцев, ее терпение лопнуло и она потребовала вернуть всю сумму вместе с процентами, что в итоге составило уже не три, а шесть тысяч шестьсот долларов. Для Харитонова это оказалось неприятной неожиданностью. Он знал Алину давно и прекрасно представлял себе перспективы: Алина никогда ни с кем не выясняла отношений, не умела требовать и настаивать, и он очень надеялся, что она будет терпеливо ждать, пока он соберется вернуть долг, и не станет хватать его за горло. Не такова, однако, оказалась Алина Вазнис. Правда, она не собралась с духом поговорить с Харитоновым сама, но зато подослала к нему своего любовника Смулова, который и передал ему в самых недвусмысленных выражениях, что пора и честь знать и деньги вернуть немедленно. Такого поворота бедняга Харитонов не ожидал.

– И что же вы сделали после звонка Смулова? – спросил Коротков, которому этот Харитонов с каждой минутой делался все более противен.

– Ну что, что… Кинулся по знакомым деньги собирать.

– Собрали?

– Собрал, – с тяжким вздохом подтвердил Харитонов. – Куда ж я денусь. С Алиной я бы, может, еще договорился бы, но с Андреем Львовичем связываться – себе дороже.

– И потом что?

– Отвез Алине. Рассчитался подчистую.

– Когда это было? В котором часу?

– Вечером уже, часов, наверное, в десять.

– Вы уверены?

– В чем? Что вечер был?

– И что вечер уже был, и что деньги отдали. Уверены?

– Конечно, я же не сумасшедший.

– Беда в том, Николай Степанович, что в квартире Вазнис этих денег не оказалось.

– Как это? Как это не оказалось, когда я сам лично ей привез всю сумму? Может, она их сразу в банк снесла?

– В десять вечера? Побойтесь бога, Николай Степанович. Неладно у нас с вами получается. Либо деньги взял убийца, либо вы их вообще не отдавали. Алина-то Валдисовна теперь уж не подтвердит, привозили вы ей деньги или нет. Есть и

третий вариант: вы же ее и убили, чтобы долг не отдавать. Конечно, это уж крайний случай, и верить в такой поворот мне не хочется, поэтому наша с вами задача – установить, кто видел, что вы действительно приходили к Вазнис около десяти вечера и что после вашего ухода она была еще жива. И желательно найти человека, которому она сказала, что, мол, Коля приходил Харитонов, деньги наконец-то все полностью вернул.

Этот прием часто помогал Юре Короткову. Не таить от человека своих подозрений, говорить ему все начистоту, сокрушаться и предлагать помочь в сборе оправдывающих подозреваемого сведений. Если человек невиновен, то он сам выполнит за сыщиков львиную долю работы, а уж если виновен, то все равно проколется, и чем активнее будет действовать, тем быстрее сделает ложный шаг и разоблачит сам себя.

– Да вы что? – неподдельно испугался Харитонов. – Вы думаете, что это я Алину?..

– Мне не хочется так думать, Николай Степанович, – с притворной мягкостью отозвался Коротков. – Но обстоятельства – сами видите. Не в вашу пользу, одним словом. Если бы деньги нашлись в квартире у Вазнис, так и вопрос бы не возник. Где же они? Давайте уж вместе попробуем снять с вас подозрение. Припомните, кто видел вас возле ее дома или квартиры? Кто может подтвердить, что вы к ней приходили? Начнем хотя бы с этого…

Харитонов мучительно напрягал память, потел, нервничал, но так ничего и не вспомнил. Зато он назвал полный перечень людей, у которых «перехватывал» суммы в тот день с обещанием вернуть в самое ближайшее время. Расставшись с Харитоновым, Коротков разыскал этих людей, всего их было четверо, и выяснил два обстоятельства. Во-первых, вся требуемая сумма была собрана в интервале от часу дня до пяти часов вечера. И во-вторых, всем своим кредиторам Харитонов обещал вернуть деньги в течение недели. И эти два обстоятельства майору Короткову очень не понравились. Почему, если все деньги были собраны уже к пяти часам, Николай Степанович повез их Алине только в десять вечера? Чего он ждал? Почему тянул? И с каких это таких доходов собирался он возвращать деньги в течение ближайшей недели? Если у него маячили крупные поступления, он мог бы договориться с той же Алиной, клятвенно пообещав вернуть весь долг через неделю и не ввязываясь в мороку со срочным сбором шести с половиной тысяч долларов. Почему же он этого не сделал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/aleksandra-marinina/posmertnyy-obraz

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить